

идеть по улицѣ новый урядникъ, что вечеръ пріѣхалъ, — важный такой, усищи — во!.. и большущая у него сабеля на боку виситъ. А тутъ тетка Матрена съ теткой Анисьей стоятъ и гуторятъ промежъ себя: вотъ его, говорятъ, царь прислалъ; и можетъ онъ по закону этой самой сабелей головы рубить ворамъ... А съ сабелей этой онъ, слышь, и спитъ, николи не сьмаеетъ, а какъ снялъ, сичасъ его въ Сибирь "... Что ты, говорю, щенокъ, пустое болтаешь? „Нѣтъ, гритъ, ей-Богу; не вру! Поди, самъ посмотри“. И взяло меня тутъ раздумье: пожалуй, и впрямь новое такое начальство проявилось; пойду, думаю, въ трактиръ, тамъ у людей узнаю. Пришелъ, а тамъ народу словно въ праздникъ набралось, и все объ этомъ самомъ урядникѣ толкуютъ. Кто гритъ — что точно, головы рубить будетъ, а кто — что только поджили на ногахъ будетъ подрѣзывать... Только сидимъ это мы, толкуемъ промежъ себя — глядь, вотъ онъ и самъ тутъ: сурьезный такой, и прямо къ Ермилычу въ его горницу прошелъ. Ну, думаемъ, чтой-то будетъ... Какіе — по домамъ разбѣглись, а какіе — не опасались, остались чай допивать: мы, говорятъ, свои деньги за чай заплатили; такого закона нѣтъ, чтобы чай пить въ трактирѣ нельзя. Смотримъ Ермилычъ къ нему водку несеть; а тутъ Михѣйка — у насъ есть, безшабашная головушка — и гритъ Ермилычу: „слышь, Ермилычъ, а что: для-ради перваго знакомства нельзя полу-штофчикомъ господина урядника попросить?“ Тотъ смѣется: чего опасаетесь, подносите! — Мы это живымъ манеромъ соорудовали и водочку, и селедочку спросили, и кренделей фунтъ взяли пшеничныхъ, говоримъ Ермилычу: какъ бы это ихнюю милость кликнуть?... А тотъ по-просту — извѣстно ему не боязно — и гритъ „ему“ — то: тамъ, моль, мужики съ поклономъ васъ ждутъ. „Онъ“ и выходитъ къ намъ: что вы, гритъ, ребята? — Такъ и такъ, — Михѣйка-то ему, — не пожалуете ли для-ради пріѣзда стаканчикъ отъ насъ откушать? Какъ мы, т.-е., всею душою... Ну, да и ловокъ же Михѣйка зубы-то чесать, это что и говорить... Ладно; а тотъ долго ломаться не сталъ, — сичасъ, этто, сѣлъ, вышилъ стаканъ и гритъ: хороша, дескать, водка. Ну, мы тутъ духу-то набрались и стали допытываться, чтд и какъ, а онъ все это съ форсомъ о себѣ: теперь, гритъ, я по закону старѣ всѣхъ у васъ по волости, мнѣ и старшина ни по чемъ. Одначе, про сабелю сказалъ, что она только по формѣ требуется, а что поджилокъ рѣзать онъ не будетъ: такого, вишь, закона еще не было.

Не могу тутъ же не вспомнить рассказъ старшины Якова Иваныча о томъ, какъ онъ знакомился съ машиной, т.-е. съ же-